

ДЕТИ ВОЙНЫ

Мое военное детство

А.А.Волков,
доктор технических наук,
бывший несовершеннолетний
узник фашистских лагерей

Перед началом Великой Отечественной войны в 1941 году моего отца призвали в Красную Армию, мама на тот момент уже умерла, поэтому меня отвезли к моему деду Никифору, в деревню Леоновка Оршанского района Витебской области. Когда началась война, мне не исполнилось и пяти лет.

Ещё до оккупации Оршанского района гитлеровцами я не на словах познакомился с эпизодом войны. С сопровождающими из Орши я гулял на лугу у деревенской речки, на котором было много цветов — лютиков, придававших на солнце лугу яркий жёлто-зелёный цвет. Лютики были мне по грудь и мешали идти. Незаметно мы оказались у железной дороги, и вдруг в небе появился самолёт. По рёву моторов мои попутчики определили, что это немецкий самолёт, и бросились бежать в деревню, мне же бежать было трудно, ноги запутывались в высокой траве, и я лег прямо в поле на спину и стал следить за самолётом, который низко пролетел надо мной, сверкая чёрными крестами. Над железной дорогой он сбросил бомбу, которая упала на противоположную от меня сторону дороги.

После оккупации Оршу стали бомбить уже наши самолёты, как железнодорожный узел, имеющий стратегическое значение. А 14 июля 1941 года в боях под Оршей впервые в истории прогремели залпы «Катюши», что было шоком для гитлеровцев.

Не только этим запомнилась Орша и её районы в начале Великой Отечественной войны, но и

мощнейшей партизанской борьбой. Когда фашисты были уже под Москвой в 1941 году инженер московского локомотивного депо им. Ильича К.С. Заслонов предложил облегчить положение Москвы путём подрывной деятельности. Группа железнодорожников локомотивного депо г. Орши стала уничтожать составы с техникой сначала минами, замаскированными под уголь, а потом, когда немцы разгадали это, — с помощью оршанских партизан. В итоге из 100 немецких эшелонов к Москве доходило только 5-10, а остальные уничтожались.

Число партизан росло и за счет местных жителей, среди которых был и мой дядя Костя, младший брат отца. Имел отношение к партизанам и мой дед. К нему домой приходили партизаны, чему я был свидетель, и он запрягал лошадь, чтобы доставить в лес груз. Эту лошадь я начал пасти с 1941 года, когда она была ещё жеребёнком. Доставка партизанам в лес груза (оружия) моим дедом и на моей лошади — моя детская лепта в партизанскую борьбу с гитлеровцами.

За помощь партизанам наша деревня была сожжена дотла в 1943 году, были уничтожены все 70 дворов. А я с дедом, бабушкой и двоюродными братьями и сёстрами оказался узником фашистских лагерей, последовательно перемещаясь из города Орша в Бобруйск, Борисов, Минск. В минском лагере на ул. Провиантской (ныне ул. Захарова) мы задержались дольше всего, более полугода — видимо, сказались наши победы в Сталинградской и Курской битвах. Из-за адских условий в лагере первыми стали умирать маленькие дети. Умерли два моих брата и сестра.

3 июля 1944 года Минск был освобождён нашими войсками. Я в числе первых жителей Минска встречал наши танки на ул. Советской. Все жители находились в землянках. Через некоторое время стали подходить женщины, и танки Т-34 остановились. Из них вышли танкисты, люди тепло разговаривали, обнимали друг друга. Через несколько минут воины опять сели в машины и двинулись на штурм города.

После освобождения все стали возвращаться в свои родные края на попутках. Мы устроились в соседней, уцелевшей деревне Ермоловке. В марте 1945 года дядя Костя, закончивший свой ратный путь в Западной Белоруссии, забрал меня и бабушку к себе. Дед к этому времени умер. Так я оказался в деревне Новосёлки Волковысского района Гродненской области. Там я и встретил день Победы 9 мая 1945 года — на пути в школу, в первый

класс. Но встретившийся мальчик сказал, что занятий сегодня не будет. Победа!

Первый класс я окончил на «отлично» и часть летних каникул провел в пионерском лагере, который назывался «Теалин» и был расположен недалеко от г. Волковыска. Мне там очень понравилось. Запомнился праздничный вечер с пионерским костром после вечерней линейки, на который были приглашены летчики — Герои Советского Со-

юза из авиаполка, базировавшегося вблизи посёлка Рось Волковысского района. С большим вниманием мы, ребята, слушали их рассказы о боях в воздухе. Всем пионерам захотелось стать лётчиками. Запомнился один герой по фамилии Микоян. Тогда это имя мне ни о чём не говорило, но позже я узнал, что это сын А.И.Микояна, соратника И.В.Сталина. И служил он не в столице, а на западной границе в тяжёлых условиях.

Мое детство в дальнейшем проходило в детском доме, который находился недалеко от деревни Мосты Правые, на берегу реки Неман, Мостовского района Гродненской области. Этот детдом был организован в 1945 году специально для детей, чьи родители погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Были в нём и дети из соседних деревень, родителей которых расстреляли немцы за помощь партизанам. Были и сыны полков, и дети, возвращённые из фашистских лагерей Польши, и из Германии с вытатуированным на руке номером узника. С ними мы делили и кров, и лишения послевоенного детства — ребята, опаленные огнём войны, которые всегда благодарны Советской Армии и Советскому Правительству за Победу 1945 года.

«Наша бригада из десяти мальчишек»

Андрей Иванович Москаленко

Детство мое пришлось на военные годы. Я родился в крестьянской семье, в селе Котельва Полтавской области на Украине 1 декабря 1928 года. В 1941 году пошел в 7 класс, но проучились мы всего 2 дня — директор сказал, что все едут в эвакуацию. В октябре пришли немцы и захватили Котельву. Отец мой умер в январе 1941-го, в семье осталось семеро детей, я — самый старший.

Вся тяжесть по сохранению нашей семьи легла на мамыны и мои плечи.

При немцах мы жили очень тяжело, наш колхоз им.15 съезда Партии был

ликвидирован, все мы должны были работать на немцев бесплатно. Помню, как однажды, когда мы пахали поле и отошли, чтобы напоить лошадей, подъехал немецкий офицер. Через переводчика спросил, почему мы не работаем. Мы ответили, что лошадям нужен отдых, тогда он размахнулся и хлестнул меня плетью по спине. Рубашка так и разошлась, остался кровавый рубец в палец толщиной.

Жили мы только за счет собственного огорода. Брат и две младшие сестры умерли, нас с мамой осталось четверо. При немцах я работал помощником конюха.

В феврале 1943 года наши войска освободили Котельву, однако продержались всего неделю, а потом отошли на Курский дуг. Отступая, наши бойцы забрали всех лошадей, остался один только хромой конь, маленький и больной. Его прозвали Башмак, и он жил у меня в сарае. В июне наши войска во время Курской операции опять освободили Котельву, но, как и в первый раз, вынуждены были отступить под ударом немцев.

Все лето 1943 года в Котельве стояли две немецкие дивизии тяжелых танков, но в начале августа они были отведены в рай-

он Ахтырки, откуда позже ударили во фланг наступающего Воронежского фронта. Вместо этих танковых дивизий Котельву заполнили пехотные части фашистов, которые оборудовали оборонительный рубеж на полях колхоза, по южному берегу реки Котелевка. Оборонительная позиция протяженностью до 10 км состояла из сплошных траншей, перед окопами были натянута проволока, заграждения, повсюду располагались противопехотные и противотанковые минные поля. Весь июнь и июль население сидело в окопах, так как было изгнано из домов, а в домах в это время жили немецкие солдаты.

В начале августа 1943 года Котельва продолжала находиться в руках фашистов. В 200 метрах от нашего дома проходила оборонительная линия. Однажды ночью, когда мы находились в окопе, я услышал тихий голос: «Есть кто живой в окопе?». Я выглянул и увидел двух бойцов в плащ-палатках, один из них сказал: «Мальчик, у тебя есть лошадь?» Я ответил, что есть и лошадь, и двуколка. Этот же шепот спросил: «Сможешь ли ты отвезти двух тяжелораненых бойцов в медсанбат село Чернещина?».

Я спустился и сказал маме, что меня попросили отвезти раненых. Мама и сестры заплакали. Но я успокоил их, сказал, что быстро вернусь — только свезу раненных бойцов и сразу назад, попросил их ждать меня и не выходить из окопа. Я вышел из окопа, пошел в сарай, вывел Башмака, запряг его в двуколку, положил сверху сено, в это же время принесли на плащ-накидке бойца без сознания. И положили на тележку. Сра-

зу же привели второго, но он шел сам, его вели под руки. Его на тележку посадили. Я попросил командира разрешения взять мне в помощь двоюродного брата Григория, соседа. Он разрешил. Когда все было готово к движению, командир спросил: «Мальчик, как тебя зовут?». Я ответил. Он взял меня за плечи и сказал: «Андрюша, сделай все, чтобы вывезти раненых незамеченными. При выходе из Котельвы вас будут ждать наши бойцы. Если выполнишь задание, я буду ходатайствовать о представлении тебя к награде». Мне и Грише он дал по немецкому автомату, показал, как стрелять. А раненному бойцу дал мешочек с гранатами Ф1 и сказал: «Руководи ребятами». Командир пожал мне руку и пожелал счастливого пути.

Было темно, но я знал местность очень хорошо, чувствовал, где могут быть препятствия и обходил их. Когда вышли на окраину села, услышали грозный оклик «Стой, кто такие?». Из кустов вышло несколько бойцов. Я остановил лошадь, и недоуменно посмотрел на раненого. Он спокойно ответил: «Это наши». К нам подошел боец с автоматом и заговорил с раненым, тот кратко доложил обстановку. Все удивлялись, как нам удалось выехать из деревни, занятой немцами. На вопрос о том, как нам это удалось, раненый ответил, что благодаря темноте, выносившей лошади и знаниям мальчика.

Вся дальнейшая дорога была изрыта воронками. Когда мы уже подъезжали к Чернещине, через дорогу проходили группы наших солдат. Начало светать, было видно, что подходят резервы.

